

Роман Бродавко

Портрет

Марина Михайловна уезжала в Германию. На ПМЖ. Веская причина была одна – здоровье мужа: на лечение его хронического заболевания здесь, в родной стране, денег не хватало.

Детей и близких родственников у них не было, а возраст уже давал о себе знать. На работу уже не устроиться, а на скромную пенсию бюджетников прожить трудно.

Вопрос о продаже квартиры был уже решен. Старенькая мебель ушла быстро. За гроши. Как ни трудно было расставаться с пианино (Марина Михайловна была учительницей музыки) – вскоре и оно обрело новых хозяев. Остались мелочи. Марине Михайловне порекомендовали даму, которая занималась скупкой таких мелочей.

В назначенный час дама пришла с двумя большими сумками. Вскоре в них были аккуратно уложены чайный и кофейный сервизы, три вазы, несколько безделушек, вышитые салфетки...

Дама достала кошелек, чтобы расплатиться, – и тут ее взгляд остановился на старой фотографии в простой деревянной рамке, которая висела на стене. На фотографии был изображен человек лет тридцати пяти с тонкими чертами лица, в пенсне.

– Продайте! – произнесла дама, указав на фотографию.

– Помилуйте! Это портрет моего деда. Он не продается. Да и зачем он вам?

– Я дам вам приличные деньги, – произнесла дама, пропустив ее слова мимо ушей. – Сколько вы хотите?

– Да ничего я не хочу! Это память, семейная реликвия...

– Каждая реликвия имеет свою цену, – возразила дама. – А у меня на такое есть покупатель.

– И что он будет делать с этой фотографией? – поинтересовалась Марина Михайловна. – Ведь он даже не знает, кто на ней изображен.

– Это неважно. Сегодня есть люди, которым нужны предки, понимаете?

– Не понимаю. Чужие предки?

– Это не имеет значения. Представьте себе двухэтажный особняк, гостиная, мебель под старину, а на стенах портреты людей из прошлого времени. Это придает вес...

– Кому?

– Хозяевам особняка. Вот, мол, какими солидными были их предки... Рамочку, конечно, поменяют. А портретик повесят на видное место.

– А если спросят, кто это? Что они скажут? – насмешливо спросила Марина Михайловна.

– Придумают что-нибудь. Теперь модно иметь предков дворян, богатых купцов или белогвардейцев... И в присутствии гостей посетовать, что, мол, раньше говорить об этом было нельзя, а теперь: вот они – благородные корни семьи... Я уже не один десяток таких портретов реализовала. Покупатели не скупятся, и я не скуплюсь. Так что говорите, сколько?..

– Нисколько. Разговор закончен.

– Ну, как знаете, – дама пожала плечами, попрощалась и ушла.

Марина Михайловна подошла к портрету, сняла со стены, прижала к груди. Дед со стороны отца умер еще до ее рождения. Она знала, что он происходил из бедной многодетной семьи. Был на редкость способным мальчиком. С помощью родственников, оплативших его обучение, сумел окончить реальное училище. О получении высшего образования в России мечтать не приходилось. Ему было не преодолеть трехпроцентную норму, установленную для евреев при поступлении в университет. И, кроме того, где было взять средства, если отец к тому времени уже был инвалидом?

Год он работал, как каторжник, в какой-то посреднической конторе. А потом, скопив деньги, купил заграничный паспорт и отправился в Бельгию. Поступил в институт, который готовил инженеров. По-французски сначала изъяснялся плохо, но через

год «взял язык» и говорил почти без акцента. Учился на совесть, а после занятий разгружал вагоны на железнодорожной станции и подрабатывал истопником в госпитале.

Институт окончил с отличием. Предлагали остаться в Бельгии. Но он вернулся в Одессу. Его отца уже не было в живых. Младшие братья выросли. Один стал официантом, другой, как отец, – сапожником, третий работал слесарем на заводе. Обе сестрички мечтали стать модистками... Мама, как всегда хлопотала по дому. Никто никогда не слышал от нее жалоб, хотя самая тяжелая ноша выпала ей...

Он устроился на механический завод. Стал прилично зарабатывать. Все деньги приносил в семью. С его возвращением жить стало немного легче.

А тут первая мировая... Хотели мобилизовать, но хозяину завода, который выполнял оборонные заказы, удалось его отстоять.

В 1917-м дед женился на девушке по имени Клара. Потом родился сын, который стал отцом Марины Михайловны.

После гражданской войны деда назначили главным инженером национализированного завода – такие дипломированные специалисты, как он, в то время были редкостью. Дед пропал там с утра до вечера. Жили по-прежнему бедно, но никогда не жаловались.

В 20-е в семье было немало горя. Убили брата, который работал официантом. Как это произошло, никто так и не узнал. Просто нашли его с разбитой головой на куче строительного мусора недалеко от их дома.

Вскоре после этого умерла мама. Сестрички стали взрослыми, вышли замуж, уехали из Одессы. Одна оказалась в Николаеве, а другая – в Херсоне. Во время войны обе они погибли в гетто...

Брата, который стал сапожником, как кустаря-одиночку обложили таким налогом, что он бросил ремесло и устроился грузчиком на джутовую фабрику, где уже давно работал младший брат. Младший был членом партии, активничал на собраниях и митингах. Но это продолжалось недолго: в конце двадцатых его объявили троцкистом и выслали куда-то на Север.

А в 37-м взяли деда... Когда Марина Михайловна была маленькой, ей говорили, что дед погиб на фронте. О том, что он был

репрессирован и расстрелян по приговору «тройки», Марина узнала, будучи старшекласницей...

В 1956-м деда реабилитировали. Отец принес справку, сел за стол и заплакал. Таким Марина видела его впервые. Папа прошел всю войну, дважды был ранен, контужен. Он был сильным, мужественным человеком, но контузия сказалась на нем: он постоянно был «на нервах».

Годами отец носил в сердце боль и обиду за деда, который был для него идеалом. Как сыну «врага народа» ему не давали роста в научно-исследовательском институте, где он руководил отделом. В конце сороковых, в период борьбы с безродным космополитизмом, отцу сорвали защиту кандидатской диссертации, хотя все отзывались о ней очень высоко. Это было для него тяжелым ударом...

Через год после реабилитации деда отец скоропостижно скончался: немало людей, переживших войну и послевоенное лихолетье, уходили из жизни молодыми. Отцу тогда было всего тридцать восемь. А вскоре написанную им диссертацию благополучно «защитил» товарищ по работе. Сейчас он уже академик...

Больших фотографий отца в доме не было. Только маленькие, нечеткие. Они хранились в старом портфеле вместе с документами и редко извлекались на свет. А портрет деда был олицетворением их семьи, их рода. Он был сделан в 1916 году в ателье Бернарди на Дерибасовской. Сделан на совесть – не выцвел, не потрескался. Он висел в их доме до войны, был увезен в эвакуацию в Караганду, а потом возвратился на свое место.

Когда Марина училась в музучилище, в какой-то книжке увидела фото Имре Кальмана и обратила внимание на удивительное сходство импозантного композитора с ее дедом. Бывает же такое!..

После смерти отца мама ежедневно вытирала мягкой тряпочкой портрет деда и что-то шептала. По-видимому, это фото напоминало ей горячо любимого мужа, который был похож на деда, как две капли воды.

Да и сама Марина Михайловна не раз мысленно обращалась к деду. Просила совета. Иногда ей казалось, что лучшие решения и поступки были подсказаны им.

Судьба не баловала Марину. После окончания училища с большим трудом устроилась на работу. Личная жизнь долго не складывалась. Вышла замуж почти в сорок. Муж был старше на двенадцать лет. Она решила во что бы то ни стало родить ребенка. Роды были тяжелыми. Девочка прожила всего несколько дней...

...После ухода дамы Марина долго всматривалась в дорогое лицо, потом отнесла портрет в спальню, где уже стояли наполовину уложенные чемоданы, и положила на дно одного из них.

Что происходит со старыми фотографиями, когда уходят из жизни их последние владельцы? Конечно, если на фото изображены известные люди, их можно предложить какому-нибудь музею, пусть даже общественному. Там их, возможно, сохранят. А что для истории обыкновенный человек, один из сотен тысяч? Песчинка...

Однажды – это было года два назад – Марина Михайловна увидела брошенный у контейнерной урны старый фотоальбом. Его страницы были разорваны, и осенний ветер, как опавшие листья, равнодушно разносил по улице незнакомые лица.

С ее дедом этого не произойдет...

Он будет с ней...

Пока жива...

